

История в лицах

Учреждение для медико-санитарной и противоэпидемической обработки работников, приезжавших на Магнитострой, 1930 годы

Прасковья Загатина

На пенсию Прасковья Алексеевна Загатина вышла только в 75 лет, имея за плечами полувековую стаж работы.

Огромная стройка у подножия Магнит-горы. Со всех концов страны ежедневно прибывают сюда сотни людей. А условий для санитарной обработки нет – не хватает бань, дезкамер. Врачи и медицинские сёстры идут в бараки для профилактических прививок, проводят беседы, разъясняют – делают всё, чтобы предотвратить инфекции. И всё-таки в конце 1930 года вспыхивает эпидемия оспы, а затем сыпного и брюшного тифов.

Все силы медицинские работники Магнитки направляют на ликвидацию заболеваний. Два года шла эта упорная борьба. Возглавлял её молодой врач-инфекционист А. А. Барышев. Были жертвы и среди врачей: во время тифозных эпидемий погибли два молодых медика – Хмеленин и Петров, многие заразились, в том числе и сам руководитель этого сражения Барышев, тяжело переболев тифом. Чуть успели перевести дух, как появилась новая угроза.

Она победила малярию

«ММ» продолжает публикацию материалов о становлении и развитии здравоохранения в Магнитогорске

С вводом в строй первой плотины образовалось много заболоченных участков – малярийных очагов

Малярия стала бедствием, которое грозило парализовать строительство. В первый же год по магнитогорскому округу было зарегистрировано десять тысяч заболеваний.

Незадолго до этого в Магнитогорск приехала Прасковья Слепуха (девичья фамилия Загатина). Её приезд оказался как нельзя кстати: именно Паше Слепухе было суждено возглавить борьбу с малярией.

Родом из-под Краснодара, Паша была потомственной кубанской казачкой. Надо заметить, что в таких женщинах особенно ярко проявлялись гордость, смелость, решительность. Такой была и Паша. С детства отличалась большими способностями к учению. Окончила гимназию и Кубанский медицинский институт. После института вернулась в родную станицу участковым врачом. Природная любознательность, стремление к новым знаниям отличали молодого врача. Например, купила на свои деньги

набор щипцов и научилась удалять зубы. Более того, мелкие операции сама делала, не отправляя больного к хирургу. Ещё успевала учиться в институте усовершенствования врачей, в институте тропических болезней. Благодаря последнему, в 1929–1931 годах работала заведующей малярийной станцией. Темпераментная, энергичная Прасковья была не только врачом, но и депутатом станичного Совета, членом ЦК профсоюза Медсантруд. Но и этого ей было мало. Однажды прочитала в «Огоньке», что на Южном Урале строится новый город. Вот куда надо ехать, вот где будет интересно! А тут ещё сокурсник приехал, порабатовавший в Магнитке. Наговорил столько хорошего о строящемся городе, что Прасковья больше не раздумывала – поехала в Москву за путёвкой на Магнитострой.

Год отработала терапевтом, а в 1933 году Прасковье предложили организовать малярийную станцию, узнав о её опыте работы эпидемиологом в Краснодарском крае. Малярия наступала, а специалистов не было. В одном из барачных на пятом участке ей было выделено две комнаты, и началась работа. Все, кроме Прасковьи Загатина, были без медицинского

образования, учились на ходу. Более всего доставалось заведующей станцией: она учила хинизаторов и бонификаторов, вела приём больных, сама сидела за микроскопом, делая за час до сотни анализов. Порой было так трудно, что можно придти в уныние, опустить руки. Но, как вспоминала Загатина: «Мы продолжали работать. Летом, помню, трудовой день мой и моих товарищей начинался в пять часов утра. Нашими пациентами были не только строители – приходилось обследовать и жителей районов. Конечно, своими силами мы бы не справились с малярией. Нужен был транспорт, бочки с нефтью, мазут для обработки водоёмов. Во всём этом постоянную помощь оказывали нам хозяйственные организации стройки и рождающегося комбината». Первые годы для обработки заводей, затонов, канав с непроточной водой (там плодились комары), применяли даже авиаопыление парижской зеленью (кристаллический порошок изумрудного цвета, использовавшийся для борьбы с личинками малярийного комара). Самолет присылал облздравотдел.

Больных лечили акрихином и плазмоцидом. Разносили лекарства ранним утром, чтобы люди

приняли их до работы, в присутствии медработника.

А то бывало, что некоторые больные использовали лекарства не для лечения, а для окраски марлевых штор

Но таких несознательных, к счастью, было немного. Заметное снижение больных началось с 1938 года. И если в 1934 году в городе было зафиксировано шесть тысяч случаев малярии, то к сороковому году инфекции свели на нет. Начавшаяся война, прибытие больших групп эвакуированных из южных районов, ухудшение снабжения лечебными препаратами, затруднения с обработкой водоёмов – перебои со снабжением нефтью, транспортом, рабочими – способствовали повышению заболеваемости малярией.

Но в послевоенные годы с малярией было покончено, и малярийная станция в 1955 году ликвидирована. Её сотрудники вошли в состав санэпидстанции. Отдел, который возглавляла Загатина, был настолько профессиональным, что главный врач санэпидстанции того времени Фёдор Фёдорович Митрофанов никогда не вмешивался в его работу, полностью доверяя Загатиной и её сотрудникам. В те же годы Прасковья Алексеевна организовала научное общество врачей-эпидемиологов, инфекционистов, филиал Московского научного общества, и успешно руководила им.

Потом двадцать лет Загатина работала в детском инфекционном отделении, где под её руководством была организована реабилитация детей, перенёвших эпидемический гепатит.

На пенсию она вышла только в 75 лет, с полувековым стажем работы. Надо сказать, что уже в 46 лет Прасковья Алексеевна первой из санитарных врачей Челябинской области было присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР». Кроме того, её работа неоднократно отмечалась орденами и медалями.

Но и выйдя на пенсию, Прасковья Алексеевна не сидела без дела. Её приглашали в школы, профтехучилища, в дом лектора. Мало кто мог так образно, захватывающе рассказывать об истории Магнитогорска, его здравоохранении.

Она же – автор неопубликованных записок «Эпидемиология и профилактика брюшного тифа в Магнитогорске» и труда «Система медико-санитарного обслуживания населения города Магнитогорска 1929–1960 гг.».

Ирина Андреева, краевед

Воспоминание

Отпуск мирного времени

В течение нескольких лет после окончания войны я ждал демобилизации. Призван в сорок третьем: война, два года обучения в Горьковской школе старшин-радиоспециалистов Советской Армии, продолжение службы в узле связи Генштаба до 1950 года.

Мы держали связь с нашими войсками в Берлине, Будапеште, Варшаве, Порт-Артуре. За образцовую службу мне, радисту первого

класса, дали отпуск. Товарищ по службе старшина Гена Холенков одолжил свой фибровый чемодан, я немного заполнил его продуктами и отправился в родное село под Бузулуком. Город знал плоховато: бывал в нём всего-то раз ещё маленьким, с отцом, когда он возил сдавать колхозное зерно на быках. Колхозы тогда арендовали в городе жильё для своих командированных – туда и направился в надежде найти попутчиков. В очереди на автобус узнал односельчанина-ровесника Шурку Смольякова, и мы вместе добрались до колхозной квартиры. Но она была пуста, как и квартиры соседних колхозов: из-за пурги никто не приезжал. Оставалось ждать удачного случая.

Заглянули в подвальный ресторанчик. Помнится, инвалид играл на гармонии фронтовые песни по заказу посетителей. Вошли бойцы военного патруля. Мои документы

с генштабовской печатью произвели впечатление. «С тобой не пропадёшь», – удивился Александр.

Разговорились. Он сказал, что послал домой телеграмму, чтобы встречали с валенками. А я не догадался телеграфировать о приезде. Я рассказал, как участвовал в крупных манёврах сорок шестого года под Шуйей Ивановской области – так и не мог взять в толк, зачем задействовали крупные силы пехоты, танки, артиллерию, авиацию. Как участник боёв за Берлин, он объяснил: когда американцы вывозили германское золото из зоны своего влияния, маршал Жуков приказал нашим войскам занять оборону и перекрыть дороги на запад. Американские войска тоже мобилизовались. Создалась напряжённая обстановка, снова запахло войной. В это время и проходили манёвры, в которых я участвовал. Впрочем, всё обошлось.

К вечеру до колхозной квартиры

из деревни добрался дядя Александр. Из-за курьёза – его телеграмма пришла в искажённом виде: «Встречайте с Валенкой» – дома решили, что он едет с молодой женой, и передали для встречи две шубы и две пары валенок. Мы посмеялись, но ошибка оказалась кстати: теперь у нас была тёплая одежда и обувь в дорогу.

Назавтра утром выехали. Передвигались медленно: лошадка худая, слабая, на последних километрах даже приходилось ей помогать. По дороге возница рассказывал, как тяжело жилось в селе в военные годы да и после войны.

Вот и село: поздняя ночь, ни огонька.

Стучу в окно родного дома. «Кто?» – «Сын ваш вернулся»

«Ох! Ах!» Объятия, слёзы. Плакали по брату, погибшему при

освобождении Латвии, – на стене его портрет. Утром дверь не закрывалась: зачастили соседи. Потом отправился на ферму, по совету демобилизованного соседа выдал себя за представителя комиссии из райцентра – был в полувойенной форме, вполне тянул на официальное лицо. Меня не узнали: водили по ферме, показывали телят, рассказывали, как за ними ухаживают. Я высказывал свои замечания, напомнил об указах правительства... а потом всё-таки признался, что я «самозванец». Посмеялись.

Осталось светлое чувство от всего, что окружало меня в те дни в родном селе. До сих пор помню этот послевоенный отпуск 1948 года – первый отпуск мирного времени.

Михаил Петров, фронтовик